

Г. ГЛУРДЖИДЗЕ

Памятные годы

Я учился в Горийском духовном училище, а затем в Тифлисской духовной семинарии и в те годы встречался со Сталиным. Запомнилась одежда, в которой Иосиф Джугашвили появился зимой в школе. Его заботливая мать, зарабатывавшая на жизнь кройкой, шитьем к стиркой белья, старалась, чтобы сын был одет тепло и опрятно.

На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом. Нравился нам его яркий шарф. Иосиф был среднего роста, худощав. В школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца. Походка — уверенная, взгляд — живой, весь он — подвижный, жизнерадостный.

В первые годы, в приготовительных отделениях, Иосиф учился отлично, и дальше все ярче раскрывались его способности, — он стал одним из первых учеников.

При школе была библиотека. Когда мы подросли, пристрастились к чтению. Начальство выдавало нам книги, которые были нам не по вкусу, и мы доставали литературу для чтения у Арсена Каландадзе, имевшего в Гори книжный магазин. У Каландадзе мы доставали книги Акакия Церетели, Ильи Чавчавадзе, Р. Эристова и других, книги, рассказывавшие нам о том, что на свете происходят какие-то иные события, что школа для нас — мачеха.

Большинство преподавателей своим отношением к нам еще более убеждало нас в этом. Мы чуждались их и не чувствовали в них сердечности. Нам было ясно, что школа стремится воспитать из нас рабов, а не свободных людей.

Мы учили уроки, занимались, но от нас не ускользало, что за стенами школы скрывалось что-то другое, неясное для нас тогда в своих очертаниях, но привлекательное, требующее разгадки...

Иосиф лучше других постигал это «что-то». Если память мне не изменяет, беседа, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по тринадцати лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гори из родного села Бершуети, я навестил Иосифа, и мы вышли гулять на

улицу. Прошли мост через Куру, перешли за полотно железной дороги и расположились на зеленой лужайке.

Молодые, еще не искушенные в жизни, мы любил беседовать на отвлеченные темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, нас обманывают, бога не существует...

Эти слова удивили меня. Ни от кого еще я не слышал таких слов.

— Сосо, что ты говоришь?!

— Я дам тебе прочесть книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены совсем по-иному и разговоры о боге пустая болтовня, — сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Дарвин. Обязательно прочти, — наставительно ответил Иосиф.

После Горийского училища я снова встретился с Иосифом Джугашвили в стенах Тифлисской духовной семинарии. Тяжелый был режим в этом училище. Нельзя было почитать газету, пойти в театр. После пяти часов вечера запрещалось выходить на улицу. Бесконечные моления: перед уроком, перед завтраком, перед обедом, перед сном. По субботам и воскресеньям долгие, томительные обеды. Надоедали нам здорово.

За учащимися была установлена слежка преподавателей. Меры взыскания по отношению к учащимся выражались в грубых выговорах, карцере (темная комната), в двойках по поведению и, наконец, в исключении из семинарии.

Иосиф увлекался чтением «посторонних» книг. Вокруг него собирались товарищи.

Чтобы лучше разобраться в интересовавших нас вопросах, мы читали «Историю культуры» Липперта, «Войну и мир», «Хозяин и работник», «Крейцерову сонату», «Воскресение» Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др.

Иногда мы читали в церкви, во время службы, притаившись в рядах. Мы прочитывали книги, конечно, с большой осторожностью, чтобы не попасться на глаза надзирателям.

Книга была неразлучным другом Иосифа, и он с нею не расставался даже во время еды.

Обычно Иосиф отвечал на вопросы не торопясь. Если у него был готов ответ — всесторонне обоснованный, — он отвечал, если же нет — он оттягивал ответ на более или менее короткий срок.

Из предметов, проходившихся в то время, Иосиф любил гражданскую историю и логику. По этим предметам у него всегда были пятерки. По остальным он готовился в конце года к экзаменам.

Большим развлечением для нас, в нестерпимо душной атмосфере семинарии, были песни. Необычайное удовольствие испытывали мы, когда Сосо втягивал нас в хор и своим звонким, приятным голосом запевал любимые народные песни.

Г. И. ЕЛИСАБЕДАШВИЛИ

Годы в училище

Товарища Сталина я помню с юных лет как ученика Горийского духовного училища, в котором учился и я. Он был одним из самых бедных и самых способных учеников.

Он занимался со мною, готовя меня для поступления в семинарию. Беседуя по вопросам революционного движения, он готовил меня и к политической борьбе...

Часто он встречался с крестьянами и беседовал с ними.

Помнится такой случай.

Идя однажды по дороге, мы увидели отдыхавших в поле пахарей.

— Давай подойдем к ним, — предложил товарищ Сталин.

Мы подошли.

Увидев, с каким большим аппетитом один из крестьян ел хлеб с лобио, товарищ Сталин спросил:

— Почему так плохо питаетесь? Ведь вы же сами пашете, сеете, собираете урожай. Значит, можно лучше жить.

На это крестьянин ответил:

— Собираем-то мы сами, но приставу надо дать, священнику надо дать. Что же нам остается?

Так завязалась беседа, в ходе которой товарищ Сталин шаг за шагом стал разъяснять, почему крестьянину плохо живется, кто на нем наживается, кто его друзья и кто враги. Он говорил так понятно и увлекательно, что крестьяне просили его прийти еще поговорить с ними.

Будучи в семинарии, он часто носил с собой нелегальную литературу. Инспектор семинарии монах Димитрий хотел во